

ИЗЪЯНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КООПЕРАТИВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СССР В 1950-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

С. А. Баканов, А. А. Пасс

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Представлено воздействие союзных и региональных органов власти на кооперативные предприятия Челябинской области на протяжении 50-х гг. XX в. С применением институционального метода проанализированы приемы, с помощью которых контрольные инстанции определяли нормы расхода сырья, валовой объем, ассортимент и себестоимость выпускаемых изделий, а также оценивали достигнутый уровень производительности труда, рентабельность и эффективность негосударственного сектора промышленности в удовлетворении повседневных потребностей населения. Показано, что целевое планирование, директивное ценообразование и моральные стимулы в виде «социалистического соревнования» и «стахановского движения», ранее применявшиеся в отношении промысловых артелей, в условиях послевоенных реалий слабо учитывали их возросший потенциал и организационно-экономическую специфику. Жесткое администрирование, которое выражалось в навязывании громоздких и умозрительно-бюрократических схем делового документооборота, не соответствовало складывающейся рыночной конъюнктуре. Предложения кооператоров оптимизировать процедуру утверждения новых образцов товарной продукции, пользовавшейся повышенным спросом, а также предоставить им возможность проведения самостоятельной маркетинговой и сбытовой стратегии, понимания у местного партийного и советского руководства не находили. В результате возникавшие диспропорции не устранялись, что препятствовало дальнейшему развитию коллективного предпринимательства.

Ключевые слова: СССР, 1950-е годы, Челябинская область, государственное регулирование, кооперативная промышленность, административное планирование, рыночная конъюнктура.

Введение

В Российской Федерации остро стоит проблема участия малого и среднего бизнеса в масштабных национальных проектах. Это может помочь в решении ряда актуальных задач, таких как повышение валового внутреннего продукта, наращивание импортозамещения, снижение безработицы и инфляции, увеличение доли самозанятого населения и т. д. Эффективное сотрудничество правительственных структур и частного сектора предполагает соответствующую корреляцию их целей, обеспечение единства макро- и микроэкономического подходов. Современные реалии развитых стран, например, США, Японии, Италии и др., показывают, что там удалось построить устойчивые объединения корпораций и крупных фирм с предприятиями различных форм собственности и открыть тем самым перспективы постиндустриальной стадии роста. Аналогичный путь в ближайшее время предстоит пройти и нашей стране. Тем более важным оказывается накопленный исторический опыт взаимодействия государства с производственными кооперативами, которые вплоть до своей ликвидации в 1960 г. играли важную роль в удовлетворении потребительского спроса в рамках мобилизационной модели экономики. Приведенный аргумент убеждает в необходимости объективной оценки прошлого, учета как достигнутых успехов, так и допущенных ошибок с тем, чтобы обеспечить стабильное поступательное движение к более зрелому обществу. На сего-

дняшний день в рамках гуманитарных наук накоплен достаточный эмпирический материал для утверждения о большей эффективности сложных и противоречивых, даже парадоксальных по своему составу социетальных систем [1, с. 111].

Объектом исследования является выяснение специфики кооперативов как эксплоярной, т. е. находящейся «между планом и рынком» формы экономической самостоятельности трудящихся, которая обладала определенной автономией, собственной логикой и динамикой, а также способностью манипулировать окружением, реагируя в то же время на широкий социальный контекст. Предметом стал кооперативный уклад в промышленности, рассмотренный сквозь призму взаимоотношений с органами власти в СССР, которые определяли приоритеты и условия осуществления избранного политического курса.

Обзор литературы

Возможность перспективного планирования в отрасли открывается в том случае, если удалось наладить снабжение сырьем, создать необходимую материально-техническую базу и подготовить профессиональные кадры. По всем этим направлениям в кооперативной промышленности послевоенной поры наблюдались позитивные сдвиги. Один из пионеров в изучении заявленной темы П. Г. Назаров пришел к мысли о преобладании в деятельности коллективных предприятий, объединенных под эгидой Российского промышленного совета, государственно-плановых, а не рыночных начал [2].

С ним в целом солидарна Г. М. Иванова, которая считает, что в 1950-е гг. СССР пытался реализовать концепцию благосостояния, опирающуюся на широкие социальные программы. В удовлетворении разнообразных нужд населения правительство активно задействовало не только крупную промышленность, но и промкооперацию, вовлеченную в орбиту влияния обществественного сектора [3]. В данном контексте весьма уместно замечание В. Л. Некрасова о том, что собственно советская система планирования в указанный хронологический период испытывала ощутимые проблемы, вызванные иницированными Н. С. Хрущевым экспериментами в области управления народным хозяйством [4]. Прежде чем соглашаться или опровергать данные выводы, необходимо выяснить, кем и как создавались проектировки, что конкретно закладывалось в задания, получаемые артелями и каковы были критерии их выполнения.

Методы исследования

Методически работа базируется на проблемно-хронологическом рассмотрении вопросов, исторической реконструкции, ситуационном и ретроспективном анализе, сочетании стадийного и цивилизационного дискурсов. Кроме того, успешное решение намеченных задач потребовало соответствующего методологического обеспечения, под которым подразумевается совокупность общих установок или философских принципов, определяющих исходные позиции и направление познавательного процесса.

Авторы статьи разделяют мнение о стохастичном, нелинейном протекании исторического процесса, что, впрочем, не исключает возможности его познания через описание максимально полного набора фактов целеполагающей деятельности людей. Вместе с тем, они признают многомерность, поливариантность и причинную обусловленность происходящих событий. Поскольку идеи о формационном характере развития общества, безусловном превалировании классовых интересов, соображений выгоды в поведении субъектов и социальных групп, а также абсолютизация закона стоимости при совершении разнообразных трансакций не выдержали проверку временем, то в поисках методологических ориентиров им пришлось обратиться к сравнительно новому течению научной мысли – институционализму, которому присущ ряд общих положений, способных играть роль научной парадигмы при обращении к историческим реалиям социально-экономического развития.

Назовем некоторые из них: 1) человеческую природу нельзя упрощенно сводить только к максимизации полезности, такие качества, как субъективная ценность полученной квалификации и привычного образа жизни, семейственность, любопытство, стремление к неподнадзорности, патриотизм и проч. невозможно «просчитать», однако

они оказывают сильное воздействие на ход истории; 2) между индустрией и так называемым свободным предпринимательством существует противоречие. Первая нацелена на повышение эффективности всего общественного производства и увеличение валового национального продукта, второе – на получение дохода для себя, поэтому они постоянно соревнуются в изобретении способов использования потенциалов друг друга¹; 3) индустриальное общество состоит из профессиональных групп: капиталистов, банкиров, менеджеров, наемных рабочих, членов кооперативов, государственных служащих. Взаимодействуя между собой на основе ограниченных законодательных правил, они вступают в конфликты, а правительство как верховный арбитр стремится не допустить опасных последствий и через нормотворчество обеспечивает консенсус.

Кроме перечисленных положений, были приняты во внимание некоторые выводы «теории трансакционных издержек», «экономической теории прав собственности», «теории общественного выбора». В частности, когнитивной значимостью обладают утверждения о том, что высокие трансакционные издержки препятствуют оптимальному для участников взаимодействия использованию наличных ресурсов; формальный, титульный владелец не всегда является реальным собственником, его функции может присвоить управляющая структура – орган власти, юридическое или физическое лицо; не существует абсолютной границы государства, поскольку степень этатизма определяется совокупностью конкретных условий, в которых оказался данный социум.

Результаты и дискуссия

К началу 1950-х гг. советская промкооперация² (12 667 артелей и 1 844 тыс. работников, 2 научно-исследовательских института, 22 экспериментальные лаборатории, 100 конструкторских бюро) выпускала 33 444 наименования товаров на сумму 31,2 млрд руб. В Челябинской области в указанный период существовали три отдельные самостоятельные структуры, относившиеся к кооперативной промышленности. Первая из них – областной промысловый совет – объединяла такие отраслевые подразделения, как металло- и швейно-кожевенный промысловые союзы, в которых состояло 58 артелей и 5 891 член. Они вырабатывали товары и услуги на сумму 159 174,3 тыс. руб.

¹ Особенно отчетливо это проявилось в условиях советской экономики мобилизационного типа. Классический пример – взаимоотношения государственного и кооперативного секторов в предельно милитаризованном народном хозяйстве образца 1941–1945 гг. Подробнее об этом см.: [5].

² В статье понятия «промысловая кооперация» и «кооперативная промышленность» используются как синонимы, поскольку уровень фондовооруженности артелей по завершении 4 пятилетки вплотную приблизился к государственным райпромкомбинатам, а кое-где (Москва, Киев, Ленинград, Свердловск) даже превзошел его (прим. авт.).

Вторая – кооперация инвалидов – насчитывала 30 артелей с 3 689 членами и годовой программой в 72 100 тыс. руб. Наконец, в областном лесохимическом промышленном союзе было 19 кооперативов, в которых трудились 1 324 члена. Валовой объем их продукции исчислялся цифрой 22 172 тыс. руб. Производимый ассортимент отличался разнообразием и включал в себя: металлоизделия, мыло, кожаные изделия, одежду, обувь, чулочно-носочные изделия, белье, мебель, продукты питания и безалкогольные напитки, смолу, скипидар, фанеру, мочало, деловую древесину и др. Также населению, предприятиям и учреждениям предоставлялся широкий спектр бытовых услуг: ремонт помещений и утвари, химчистка, строительство и охрана объектов и проч. Принимая во внимание, что по уставу до 20 % численного состава можно было нанимать на стороне, общее количество занятых в кооперативной промышленности Челябинской области (107 действующих артелей) определялось цифрой 13 200 человек. Совокупный объем их валового производства составлял 250 млн руб. [6, с. 152, 153].

Госплан РСФСР с конца 1950 г. определял для промышленной кооперации только перечень наиболее важных, с его точки зрения, товаров, который предусматривал несколько десятков позиций. Остальная программа формировалась исполкомами при непосредственном участии местных плановых комиссий. В действительности, сама процедура нередко ограничивалась простым утверждением в облплане цифр, представленных областным промышленным советом (ОПС). ОПС же брал данные от промсоюзов (отраслевых объединений кооперативов), в которых плановые «отделы» существовали только на бумаге. В лучшем случае имелся начальник отдела и машинистка-секретарша, тогда как до войны в составе указанного подразделения состояло 5 – 6 человек [7]. Что касается низового звена – артелей, то практически ни в одной из них не было плановика, только бухгалтер или счетовод. В 1952 г. Центропромсовет СССР специальным циркуляром запретил им, ввиду перегруженности, заниматься статистической отчетностью. Эта обязанность по распоряжению председателя возлагалась «на второстепенных лиц». На всесоюзном совещании планово-экономических работников промкооперации в июле 1953 г. делегат от Роспромсовета Сонатов задавался вопросом: «А кто такие эти второстепенные лица? Уборщица? Кладовщик? Так они тоже не везде есть» [8]. При таком раскладе сложно было учесть ситуацию в отдельных районах и предприятиях, а также правильно использовать наличный ресурсный и производственный потенциал.

В соседних областях, в частности в Чкаловской, пытались экспериментировать с прогрессивными нормами использования оборудования, материалов, электроэнергии, унификацией тарифных

сеток, комплексным анализом отчетности. Для проверок отстающих кооперативов формировались бригады из плановиков и сотрудников исполнительных органов советской власти, но ощутимых подвижек не отмечалось. Вряд ли можно считать серьезным успехом рост числа кирпичедельных мини-заводов (с 33 до 48), где глину по старинке формовали вручную [9].

В большинстве регионов продолжали использовать количественные, а не качественные показатели. Во-первых, определялись валовой выпуск (тыс. руб.) и номенклатура в натуральном исчислении (кол-во штук). Это создавало препятствия для выполнения заказа торгующих организаций на те предметы повседневного спроса, которые отличались невысокой розничной ценой, но повышенной трудоемкостью (детские вещи). Далее строго регламентировался средний вес расхода сырья на одно изделие, что побуждало промышленников выпускать более «легкий» ассортимент, например, майки, а не сорочки. Существовал еще лимит по снижению себестоимости сравнимой продукции. Данный показатель не стимулировал артели осваивать новые товары, так как их не с чем было сравнивать. Нельзя не сказать и об ограничении, накладываемом на отходы. Оно заставляло делать упор на продукции, которая не нуждалась в подработке или кройке, скажем, шить шаровары вместо брюк. Весьма нерационально проводилась оценка производительности труда – по сумме валовой продукции на одного занятого. Получалось, что, чем лучше товарищество снабжалось сырьем, тем эффективнее, с точки зрения контролирующих инстанций, оно работало. Организация производственного процесса при этом мало кого интересовала.

Много нареканий вызывали сроки, в течение которых верстался план. Артельщики выступали за то, чтобы их знакомили с итоговым документом не позже октября. Тогда они к началу следующего года успевали рассчитать материально-техническое обеспечение, топливно-сырьевой баланс, нормы выработки и расценки. Однако на практике ориентировки постоянно менялись. Какая из них окончательная и почему она выглядит именно так, а не иначе, понять было совершенно невозможно.

Глава челябинского горпромсовета Шляпников на собрании партактива Советского района удивлялся увеличению плана по печному литью, ведь им и без того были затоварены все склады [10]. На втором собрании уполномоченных ОПС в январе 1955 г. председатель артели «Урал» Бавев недоумевал, как случилось, что предприятию, 20 лет выпускавшему дуги, сани, обода к деревянным колесам и снабжавшему этой продукцией все колхозы в округе, вдруг запланировали столы и стулья. Кооператив с учетом своих возможностей расширил номенклатуру изделий и стал де-

лать парниковые рамы, также находившие широкий сбыт среди населения, но их из задания исключили. Баев попросил плановиков не вмешиваться и предоставить ему инициативу [11].

Любопытную характеристику дал плановому отделу облпромсовета весной 1957 г. руководитель товарищества «Новый путь» Лебедев. Выступая перед коллегам, он пошутил, что аппаратчики работают по формуле $4C+2П$, т. е. четыре стены, потолок и пол. Иначе говоря, куда не выезжают, не знают производства, но уверенно командуют кооператорами. Привел пример: «Нам предписали получить прибыли 400 тыс. руб. Мы спросили, почему так много? В ответ услышали: промсистеме из центра тоже много дали, поэтому и разбросали на всех». Естественно, «взятые с потолка» показатели достигнуты не были. В наказание Госбанк посадил артель на картотеку, лишив ее оборотных средств и возможности приобретать сырье и комплектующие. Работа остановилась [12].

Это не единственный случай, когда бурная деятельность планировщиков приносила реальный вред. Депутат от Чесмы Мармулев на II сессии челябинского областного совета депутатов трудящихся 25–26 июля 1957 г., посвященной «дальнейшему развитию и улучшению руководства промышленностью местного подчинения», просто кипел от возмущения, рассказывая о судьбе единственного в районе промыслового кооператива «Красный кустарь», также оставшегося без копеечки и влачившего жалкое существование.

Началось с того, что ему без согласования с правлением отправили два агрегата по обжигу кирпича общей стоимостью 32 тыс. руб. Деньги списали инкассо с банковского счета. И никто не удосужился узнать, что в поселке нет энергетической базы для механизации кирпичного производства. Ее не хватало даже для того, чтобы дать свет школе, больнице, бытовым учреждениям, не говоря уже о населении. Вскоре прислали пилораму (11 тыс. руб.), забыв о том, что в Чесме лес не растет. Естественно, ни одного бревна первая пилорама не распилала. Спустя непродолжительное время привезли вторую. Попутно «помогли» автотранспортом: доставили автомобиль с пробегом 300 тыс. км. за 17 тыс. руб. Его ремонт обошелся в 5 тыс. руб. Из-за проблем с горючим грузовик куда-то не ездил. Тем не менее, «купили» еще один. В итоге с сельской артели принудительно сняли свыше 100 тыс. руб., и она продолжала делать кирпич вручную.

Чтобы создать энергетическую базу, председатель облпромсовета С. Васильев подарил чесменцам малоомощный мотор ЗИС-5 – «двигатель пилорамы». «Да мыслимо ли это? – патетически восклицал Мармулев, – Этот мотор не только пилораму, он вас с места не сможет сдвинуть, товарищ Васильев! Вот такое безобразие, причем не спрашивают никого, с районом не советуются,

что вздумают, то и делают. Разве это похозяйски?» Справедливости ради надо признать, что выступление депутата получило резонанс, и в ноябре того же года «Красному кустарю» из фонда долгосрочного кредитования ОПС возместили деньги за пилорамы и автомашины. Кроме того, ему выделили трансформатор, высоковольтный кабель и через райисполком был решен вопрос о подключении кирпичного завода артели к колхозной электростанции с квотой 30 кВт [13].

Постоянная депутатская комиссия челябинского горсовета в декабре 1957 г. столкнулась с поразившим ее фактом: местпрому и промкооперации годовой план горисполком волевым решением увеличил по стиральным машинам в 8 раз, по кроватям – на 30 %, по садово-огородному инвентарю – на 40 %. Ни членов комиссии, ни самих промысловиков к составлению форсированного задания чиновники не привлекли и даже не поинтересовались их мнением [14]. А про постановление Центрального промыслового совета СССР «Об устранении недостатков в планировании хозяйственной деятельности артелей промкооперации», датированное ноябрем 1955 г., либо не знали, либо забыли. Между тем, в нем осуждалась практика установления заданий посредством механического увеличения прошлогодних данных, без учета условий работы кооперативов и предварительного рассмотрения их предложений. В документе содержались требования неуклонного соблюдения принципов планирования снизу; разработки отдельных программ материально-технического обеспечения с указанием источников сырья, материалов, оборудования; взаимоувязки показателей по производству, себестоимости реализованной продукции, накоплениям и труду [15, с. 11, 12].

Выхолащивание идеи планомерного, пропорционального развития применительно к промкооперативной системе наглядно иллюстрирует сюжет о нормировании труда. Должность нормировщика полагалась в артелях с численностью занятых свыше 75 человек, но фактически она оставалась почти всегда вакантной. И правление, и сотрудники настороженно относились к человеку, выполнявшему функции «государева ока», призванного не допускать перерасхода утвержденных правительством фондов заработной платы. Это считалось тогда грубейшим нарушением государственной дисциплины, виновным грозило привлечение к строжайшей ответственности, вплоть до уголовной [16, 17]. Поэтому на многих предприятиях, если находился благовидный предлог, нормировщиков сокращали, а зарплату определяли исходя из среднеарифметических затрат рабочего времени за истекший период. Такой подход открывал возможность манипулирования расценками и тарифами в сторону их завышения.

Партия в начале 1950-х гг. выдвинула лозунг повсеместного внедрения технически обоснован-

ных норм труда (ТОНТ). Что это такое, среди руководителей промышленной кооперации не знал никто. На вопрос о том, какой удельный вес они занимают в общих трудозатратах, председатели облпромсоветов отвечали по-разному. Один честно сознался, что у них нет технически обоснованных норм. Второй сообщил: в артелях 2500 норм и только одна технически обоснованная. Третий отпартовал о 105 % ТОНТ. Когда результаты опроса озвучили на всесоюзном совещании плано-во-экономических работников (июль 1953 г.), смех в зале не прекращался несколько минут [18].

Смысл нового термина просили разъяснить и управленцы «уважаемых» отраслей: металлургии, электроэнергетики, угольной промышленности. Определение дал председатель госкомитета СССР по труду и заработной плате Л. М. Каганович в выступлении на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г. в прениях по докладу премьер-министра союзного правительства Н. А. Булганина «О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства». Каганович сказал, что технически обоснованные нормы должны базироваться на применении передовой техники и технологии производства, прогрессивных методах организации труда, на опыте передовиков производства. Все прочие варианты критиковались за идеализм. Но и он вынужден был оговориться, что «...в ТОНТ – много искусственного. Даже словечко придумали “намазка”, то есть к тому, что действительно нужно сделать с деталью, “намазывают” еще мнимые операции, которые никто не выполняет, но которые повышают зарплаты» [19].

К концу исследуемого десятилетия зримым результатом борьбы за оптимизацию трудозатрат в промкооперативной системе стало провозглашение в качестве ориентира достижений лучших работников. Для артелей инвалидов это выразилось в принятии норм, которые существовали в товариществах, использующих здоровую рабочую силу. Чтобы их выдержать, и в том, и в другом случае людей заставляли работать сверхурочно, по ночам и в выходные. Такое, с позволения сказать, «планирование» в действительности оказывалось не чем иным, как разновидностью внеэкономического принуждения, по определению не способного играть роль постоянного регулятора самостоятельной активности малых предприятий, а потому оно подвергалось скрытой и явной профанации.

Постепенно исчерпывали свой вдохновительный потенциал и методы стимулирования ударного труда, олицетворявшие сталинскую эпоху, – социалистическое соревнование и стахановское движение. Так, Книга почета лучших людей промкооперации Челябинской области, с помпой учрежденная в 1953 г., фактически не заполнялась. Во всяком случае, последующих упоминаний о ней в архивах отыскать не удалось. Перестали

созываться и ежегодные слеты стахановцев. Красноречивый эпизод произошел на совместном совещании работников Свердловского, Челябинского и Пермского облпромсоветов, собравшихся в столице Южного Урала для взаимной проверки соцобязательств по итогам 1958 г. Начальник контрольно-ревизионного отдела и член правления пермского ОПС К. С. Епимахов спросил заместителя председателя местного ОПС И. К. Лебедева о том, как поставлено снабжение швейников собственными материалами. Последний, не смущаясь присутствием инструктора обкома КПСС Н. А. Васина, ответил: «У нас все основано на изворотливости руководителей артелей. Сами покупают, где придется». Поэт А. С. Пушкин в поэме «Полтава» вложил в уста гетмана Мазепы фразу: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». А руководитель челябинской промкооперации, не находя ничего странного в сопряжении понятий «изворотливость» и «социалистическое соревнование», сообщил, что в области в 74 артелях, насчитывающих свыше 15 тыс. членов, за звание коммунистических борются три (!?) бригады [20]. На наш взгляд, комментарии излишни.

Во второй половине 1950-х гг. Коммунистическая партия поставила перед кооперативной промышленностью задачу кардинального улучшения бытового обслуживания населения. Сосредоточившись на этом социально значимом и очень ответственным направлении работы, промышленники оказались вынуждены преодолевать многочисленные бюрократические барьеры, препятствовавшие установлению надежной и быстрой связи между спросом и предложением. Нельзя было более мириться с чрезвычайно громоздкой и расточительно дорогой процедурой утверждения в вышестоящих органах руководства, планирования и торговли образцов, технических условий и цен на новые товары.

В инструкции от 12 июля 1954 г., одобренной Госпланом, Минторгом, Минместпромом РСФСР и Роспромсоветом, устанавливалась следующая схема согласования. Первоначально проект визируется в промсоюзе, в ведении которого находилось предприятие-изготовитель. Затем он поступал в производственно-технический отдел промсовета для проверки. Оттуда документацию и само изделие отправляли в отраслевую депутатскую комиссию и отдел торговли горисполкома на экспертизу. Параллельно свое заключение о целесообразности производства данного продукта давала государственная санитарная инспекция. Если замечаний не было, то промсовет принимал изделие к производству. При этом каждая «бумажка» представлялась в трех экземплярах, а эталон – в двух. Последний обязательно снабжали ярлыком, где указывались: название артели, ее ведомственная принадлежность, наименование товара, его краткая характеристика, сорт, артикул, предполагаемая цена. На

оборотной стороне помещались подписи руководителей организаций, утвердивших технические условия, и специальная пломба [21, с. 31].

Приведенная схема документооборота предусматривала участие не менее 5 учреждений, в значительной степени дублирующих функции друг друга, и до 50 человек административного состава. Цикл утверждения образца при благоприятных обстоятельствах занимал не менее 3 – 4 недель. Основным аргумент, который приводился в оправдание этой волокиты, – забота о качестве и предотвращение затоваривания торговой сети. Но названные функции с успехом выполняла государственная торговая инспекция. Только в течение II и III кварталов 1960 г. она провела 11 проверок предприятий облместпрома и промкооперации. Девять раз товар снимался с отгрузки, четырежды принималось решение о прекращении приемки торгами, почти 3 тыс. изделий понизили в сортности [22].

Порой причиной отказа в регистрации было мнение отдельного чиновника о том, что изделие «не расширяет ассортимент» или «не воспитывает у населения художественный вкус», и тогда артельщикам приходилось в прямом смысле слова унижаться: уговаривать, дарить «презенты». А ведь любой кооператив, как правило, прежде чем принять решение о разработке нового товара, выяснял конъюнктуру сбыта посредством выборочного опроса покупателей, консультаций с ателье, мастерскими, магазинами, изучения рекламаций, жалоб и замечаний. Если он этого не делал, то рисковал потерпеть убытки уже на стадии затрат по изготовлению оснастки для массового производства. Поэтому многие товарищества выступали с предложениями предоставить им право самостоятельного выбора и утверждения эталонов и цен на изделия широкого потребления на техническом совете или заседании правления.

По действовавшим нормативам техусловия устанавливались на все виды продукции и материалов, не охваченные ГОСТами или ведомственными стандартами, а также на изделия, изготовленные из некондиционного или смешанного сырья, в том числе собственной заготовки. Выпуск же предметов ширпотреба с нарушением обязательных стандартов и регламентов, недоброкачественных или разукомплектованных, рассматривался как преступление против государства [23].

Стремясь избежать неприятностей с законом, артели составляли технические условия в десятках экземпляров для рассылки торгам в дополнение к договору о поставке товаров, причем даже на такие вещи, как ведра, совки для мусора, формочки для печенья, тушилки для углей, детские ванночки, корыта, трубы самоварные и многое другое из того, что известно на рынке сотни лет. Директор челябинского главунивермага Лаппо в феврале 1958 г. на городском активе работников предпри-

ятий, производящих ширпотреб, рассказал об изумлении, которое он испытал, когда в ответ на просьбу изготовить деревянную разделочную доску под мясо, обращенную к заместителю председателя горпромсовета Гольдбергу, тот потребовал предоставить готовый образец с подробным описанием [24].

Между тем, ряд разделов ТУ, например, правила приемки, методы испытаний, упаковка, транспортировка и хранение почти полностью повторяли соответствующие статьи союзного и республиканского законодательства. Остальные сведения, которые необходимо было знать и продавцам, и покупателям, оговаривались в сопровождающих документах: инструкциях по эксплуатации, паспортах, предупреждениях и указаниях на этикетках. Кооператоры предлагали сделать упор на них, сохранив опломбирование образцов правлением с внесением их в реестр. Некоторые малые предприятия вернулись к практике издания фирменных каталогов, где указывали габариты, вес и особенности изделия, помещали его фотографии в различных ракурсах.

Однако и утвержденные горисполкомом цены не избавляли промысловиков от неудобств, поскольку не подлежали изменению в течение календарного года, невзирая на колебания спроса. Обычно в мае–июле наблюдалось снижение заказов по ремонту одежды, с сентября по март – по химчистке. Чтобы стимулировать людей заранее обновлять свой гардероб, кооператоры в «мертвый сезон» явочным порядком устанавливали скидки до 25 %. Но за это их ругали и штрафовали финансовые органы, зорко следившие за выполнением плана по сбору налогов. Практика же показывала, что самой большой опасностью были не гипотетические убытки, а неритмичная работа, выражавшаяся в простоях и незагруженности оборудования. Кое-где партийные органы с пониманием относились к указанной проблеме и поощряли временное снижение тарифов на услуги кооперативных мастерских [25].

Проходить процедуру утверждения калькуляций каждое товарищество было обязано индивидуально, несмотря на наличие ранее утвержденных прейскурантов на аналогичные товары. Самое удивительное, что в итоге появлялись различные версии стоимости одного и того же бытового предмета, что вело к нездоровым явлениям в торговле, дезориентировало потребителей и ставило в неудобное положение самих артельщиков. Они могли получить как сверхприбыль по причине завышенной цены, так и кризис сбыта из-за появления на прилавках более дешевого и, возможно, более качественного изделия. Так, ведро железное крашеное емкостью 12 л по РСФСР стоило от 6,9 руб. до 12,9 руб., табурет – от 11 руб. до 20 руб. при государственных расценках соответственно 5,85 руб. и 12,3 руб. [26, с. 8].

Выход виделся в оперативной коррекции ценовых диспропорций городскими управлениями торговли по сигналам с мест, регистрации прайс-листов на основании обыкновенной справки-калькуляции из артели о «справедливой» цене. Однако этот порядок с трудом пробивал себе дорогу, что побуждало часть артелей избегать общения на данную тему не только с работниками исполкомов, но и с облпромсоветами. Как следствие, выпускаемая продукция продавалась по произвольным расценкам, за что председатели правления подвергались взысканиям. В ноябре 1956 г. они были наложены на руководителей кузинского «Луча», аргаяшской «Красной звезды», багарякской «Победы» и др. [27].

Выводы

Итак, проведенное исследование позволяет утверждать, что организация планирования в кооперативной промышленности 1950-х гг., несмотря на некоторые позитивные сдвиги, основывалась на количественных, а не качественных показателях. Это мешало видению перспективных направлений и темпов развития, применению эффективных стимулов роста. Как следствие, проектировки оказывались разнovidностью командных методов руководства, которые исходили не из реальных возможностей артелей, а из произвольных установок, диктуемых вышестоящими органами власти и управления. Централизованное регулирование деятельности в отношении коллективных предприятий оказалось неэффективным в таких сферах, как объем выпуска и номенклатура продукции, нормирование трудозатрат, ценообразование. Оно не учитывало ни складывающейся рыночной конъюнктуры в конкретных отраслях и регионах, ни устойчивых взаимосвязей между различными хозяйствующими субъектами, поскольку в советской системе управления послевоенного образца отсутствовали компактные специализированные звенья, которые могли бы выполнять эти функции. Более продуктивным вариантом взаимодействия между государством и производственными кооперативами обещало стать индикативное планирование ряда ключевых показателей, например, фондовооруженности, нормы прибыли, а также поиск оптимальных способов кредитования и налогообложения. Однако приверженность этатистским идеологическим стереотипам и принципиальная неспособность партноменклатуры «хрущевского призыва» к теоретическим обобщениям в русле концепции «смешанной экономики» закрыли такую возможность.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Челябинской области, проект № 20-49-740004.

Литература

1. Шанин, Т. Формы хозяйства вне систем / Т. Шанин // Вопросы философии. – 1990. – № 8. – С. 109–115.
2. Назаров, П. Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика советского государства. 1950–1960 гг. : дис. ... канд. ист. наук / П. Г. Назаров. – М. : МГУ, 1991. – 227 с.
3. Иванова, Г. М. На пороге «государства всеобщего благосостояния» Социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов) / Г. М. Иванова. – М., 2011. – 284 с.
4. Некрасов, В. Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики / В. Л. Некрасов // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 99–103.
5. Пасс, А. А. «Другая» экономика: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 гг. / А. А. Пасс. – Челябинск, 2002. – 235 с.
6. Пасс, А. А. Организационная структура кооперативного «бизнеса» в СССР (1950-е гг.) / А. А. Пасс // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 438. – С. 151–162.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 8101. – Оп. 1. – Д. 1384а. – Л. 95.
8. РГАЭ. – Ф. 8101. – Оп. 1. – Д. 1384а. – Л. 141.
9. Сергиенко, И. Некоторые вопросы планирования местной и кооперативной промышленности в Чкаловской области / И. Сергиенко // Плановое хозяйство. – 1951. – № 5. – С. 92–96.
10. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. 119. – Оп. 1. – Д. 242. – Л. 57.
11. ОГАЧО. – Ф. 965. – Оп. 5. – Д. 158. – Л. 133.
12. ОГАЧО. – Ф. 965. – Оп. 5. – Д. 181. – Л. 105, 106.
13. ОГАЧО. – Ф. 274. – Оп. 3. – Д. 141. – Л. 185, 193, 194.
14. ОГАЧО. – Ф. 220. – Оп. 16. – Д. 58. – Л. 310.
15. Промысловая кооперация. – 1955. – № 11.
16. Постановление СМ СССР от 31.12.1954 г. № 2525 сс (совершенно секретно) «О государственном плане развития народного хозяйства на 1955 г.».
17. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 19. – Д. 87. – Л. 221–223.
18. РГАЭ. – Ф. 8101. – Оп. 1. – Д. 1384а. – Л. 127.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 81. – Оп. 3. – Д. 30. – Л. 25, 26.
20. ОГАЧО. – Ф. 965. – Оп. 5. – Д. 247. – Л. 563, 564, 565.
21. Промысловая кооперация. – 1957. – № 9.
22. ОГАЧО. – Ф. 274. – Оп. 3. – Д. 169. – Л. 22.
23. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 ноября 1940 г. – URL: <http://www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=0&nd=901757374&nh=1> (дата обращения: 20.11.2011).

24. ОГАЧО. – Ф. 92. – Оп. 15. – Д. 223. – Л. 47.
25. Постановление бюро Челябинского горкома КПСС от 8 января 1959 г. «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения города» // ОГАЧО. – Ф. 92. – Оп. 17. – Д. 39. – Л. 6–8.
26. Промысловая кооперация. – 1956. – № 1.
27. ОГАЧО. – Ф. 965. – Оп. 5. – Д. 166. – Л. 97.

Баканов Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет (Челябинск), e-mail: bakanov-s@mail.ru. ORCID 0000-0002-0746-8912

Пасс Андрей Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский государственный университет (Челябинск), e-mail: pass_andrey@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5904-0643

Поступила в редакцию 10 ноября 2021 г.

DOI: 10.14529/ssh220103

GAPS IN GOVERNMENT REGULATION OF THE COOPERATIVE INDUSTRY SECTOR IN THE USSR IN THE 1950s (CASE STUDY OF CHELYABINSK REGION)

S. A. Bakanov, A. A. Pass

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article considers the impact of federal and regional authorities on cooperative enterprises of Chelyabinsk region during 50s of the XX century. Via the institutional method, the author analyzes the practices and techniques used by the control authorities to determine the norms of raw material consumption, gross volume, assortment and production costs, as well as to assess the achieved productivity level, profitability and efficiency of the non-governmental industrial sector in satisfying the daily needs of the population. The research reveals that targeted planning, administered pricing and moral incentives in the form of «socialist competition» and «Stakhanov movement», previously applied to industrial artels, in the conditions of post-war realities took little account of their both increased capacity and organizational-and-economic specificity. Rigorous administration, expressed in the imposition of cumbersome and speculative-bureaucratic schemes of business document flow, did not correspond to the emerging market conditions. The local party and Soviet leadership did not welcome the proposals of cooperative producers to optimize the approval procedure of new samples of commodity products that were in high demand, as well as to give them the opportunity to conduct their own marketing and sales strategy. As a result, the emerging imbalance was not eliminated, which hampered the further development of collective entrepreneurship.

Keywords: USSR, 1950s, Chelyabinsk region, government regulation, cooperative industry, administrative planning, market conditions.

References

1. Shanin T. Formy hozjajstva вне систем [Forms of Economy outside of Systems] // *Voprosy filosofii*. 1990. № 8. S. 109–115.
2. Nazarov P.G. Promyslovaja kooperacija RSFSR i jekonomicheskaja politika sovetskogo gosudarstva. 1950–1960 gg. [Producer’s Cooperation of the RSFSR and the Economic Policy of the Soviet State. 1950–1960]: dis. ... kand. ist. nauk. M.: Moscow State University, 1991. 227s.
3. Ivanova G.M. Na poroge «gosudarstva vseobshhego blagosostojanija». Social’naja politika v SSSR (seredina 1950-h – nachalo 1970-h godov). [On the Threshold of the «Welfare State». Social Policy in the USSR (mid-1950s – early 1970s)]. M., 2011. 284 s.
4. Nekrasov V.L. Reforma Gosplana SSSR 1955 g.: razrabotka novoj modeli planirovanija jekonomiki [Reform of the State Planning Committee of the USSR in 1955: Development of a New Model of Economic Planning] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 368. S. 99–103.
5. Pass A.A. «Drugaya» ekonomika: proizvodstvennye i torgovye kooperativy na Urale v 1939–1945 gg. [The «Other» Economy: Production and Trade Cooperatives in the Urals in 1939–1945]. Chelyabinsk, 2002. 235 s.

6. Pass A.A. Organizacionnaya struktura kooperativnogo «biznesa» v SSSR (1950-e gg.) [Organizational Structure of Cooperative «Business» in the USSR (1950s)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 438. S.151-162.
7. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki (RGAJ) [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. F. 8101. Op. 1. D. 1384a. L. 95.
8. RGAJ. F. 8101. Op. 1. D. 1384a. L. 141.
9. Sergienko I. Nekotorye voprosy planirovanija mestnoj i kooperativnoj promyshlennosti v Chkalovskoj oblasti [Some Issues of Planning the Local and Cooperative Industry in the Chkalovsk Region] // *Planovoe hozjajstvo*. 1951. № 5. S. 92–96.
10. Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Cheljabinskoj oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk region (USACR)]. F. 119. Op. 1. D. 242. L. 57.
11. OGACHO [USACR]. F. 965. Op. 5. D. 158. L. 133.
12. OGACHO [USACR]. F. 965. Op. 5. D. 181. L. 105,106.
13. OGACHO [USACR]. F. 274. Op. 3. D. 141. L. 185,193,194.
14. OGACHO [USACR]. F. 220. Op. 16. D. 58. L. 310.
15. Promyslovaja kooperacija [Commercial Cooperation]. 1955. №11.
16. Postanovlenie SM SSSR ot 31.12.1954 g. №2525 ss (sovershenno sekretno) «O gosudarstvennom plane razvitija narodnogo hozjajstva na 1955 g.» [Resolution of the USSR Council of Ministers of 31.12.1954 № 2525 ss (Top Secret) «On the State Plan for the Development of the National Economy for 1955»].
17. OGACHO [USACR]. F. 288. Op. 19. D. 87. L. 221-223.
18. RGAJ [RSAE]. F. 8101. Op. 1. D. 1384a. L. 127.
19. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]. F. 81. Op. 3. D. 30. L. 25,26.
20. OGACHO [USACR]. F. 965. Op. 5. D. 247. L. 563,564,565.
21. Promyslovaja kooperacija [Commercial Cooperation]. 1957. № 9.
22. OGACHO [USACR]. F. 274. Op. 3. D. 169. L. 22.
23. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 16 nojabrja 1940 g. <http://www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=0&nd=901757374&nh=1> (data obrashhenija: 20.11.2011).
24. OGACHO [USACR]. F. 92. Op. 15. D. 223. L. 47.
25. Postanovlenie bjuro Cheljabinskogo gorkoma KPSS ot 8 janvarja 1959 g. «O merah po uluchsheniju bytovogo obsluzhivanija naselenija goroda» [Resolution of the Bureau of the Chelyabinsk City Committee of the CPSU of January 8, 1959 «On Measures to Improve Consumer Services for the City's Population»] // *OGACHO*. F. 92. Op. 17. D. 39. L. 6–8.
26. Promyslovaja kooperacija [Commercial Cooperation]. 1956. № 1.
27. OGACHO [USACR]. F. 965. Op. 5. D. 166. L. 97.

Sergey A. Bakanov – D. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of History of Russia and Foreign Countries, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), e-mail: bakanov-s@mail.ru

Andrey A. Pass – D. Sc. (History), Professor of the Department of Political Science and International Relations, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), e-mail: pass_andrey@mail.ru

Received November 10, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Баканов, С. А. Изъяны государственного регулирования кооперативной промышленности в СССР в 1950-е гг. (на материалах Челябинской области) / С. А. Баканов, А. А. Пасс // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 25–33. DOI: 10.14529/ssh220103

FOR CITATION

Bakanov S. A., Pass A. A. Gaps in Government Regulation of the Cooperative Industry Sector in the USSR in the 1950s (Case Study of Chelyabinsk Region). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 25–33. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh220103